

A man in a dark suit and a woman in a lace dress are featured in a dramatic, low-key lighting setting. The man is on the left, looking towards the right. The woman is on the right, leaning forward with her head resting on her hand. The background is dark, creating a moody atmosphere.

СЛАВА
ДОРОНИНА

По доброй
ВОЛЕ

Слава Доронина
По доброй воле
Серия «Мир влиятельных
мужчин», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69028036

Аннотация

– Отличный вариант, Григорий Игоревич. Компания на грани банкротства, но жила – золотая. Руку даю на отсечение, при грамотном подходе через год прибыль утроится.

Смотрю на помощника поверх чашки с кофе.

– Рассказывай подробнее, что за фирма, почему я не в курсе?

– Владелец погиб, оставил после себя долги и врагов. Сейчас у руля девчонка. Молодая еще, зеленая. Прессануть ее и вырвать фирму за гроши – не проблема.

– Девчонка? Нет, мы этим не занимаемся. Только легальная деятельность.

– Да она сама умоляет о встрече, ей уже угрожают. Довели до отчаяния. Не мы, так другие. Весь телефон оборвала, просила уделить ей время. Хотя бы пару минут. Уверяет, что на всё готова. По доброй воле.

– На всё? – Сверяюсь со своим расписанием. – Ладно, скажи, что я согласен встретиться. Сегодня в восемь. И пусть оденется поприличнее.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	67
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Слава Доронина

По доброй воле

Глава 1

Секретарша пишет, что приболела и на работу не выйдет. Вовремя. Как всё вовремя! Хотя, после того как в фирму повадились приходить два огромных амбала от Монастырского, я и сама не прочь придумать причину, по которой не могу больше появляться в офисе. Вчера они и вовсе перешли все границы: вломились в кабинет во время важных переговоров, обозвали меня и Свету тупыми курицами, за шкирку вытряхнули нашего юриста и потенциальных инвесторов из кабинета.

Но это еще не всё! Мне пригрозили, что упекут за решетку или решат вопрос как-то «иначе», если не соглашусь переписать на Монастырского свой бизнес.

Вспоминаю угрозы двух бугаев, что Борис Артемьевич не принимает отказов, и по телу несется озноб. У меня двадцать четыре часа, чтобы принять «правильное» решение. То есть лишиться всего, в том числе и крыши над головой, потому что я вся в долгах. С ног до головы.

Не успела вступить в наследство после смерти мужа, как фирма превратилась в проходной двор. Я получила с де-

сяток предложений о продаже дела за гроши, которые не покроют и части долгов. Отбивалась как могла, пока нами на заинтересовался сам Монастырский. Он пошел дальше всех и опустился до открытых угроз. И ладно бы речь шла о слиянии! Но отдать все до копейки, дело отца и мужа, двух дорогих мне людей, которых я боготворила и на могиле которых пообещала, что со всем справлюсь... За что такая несправедливость?

Застыв у окна, смотрю на город. Пытаюсь собраться, чтобы найти выход из сложившейся ситуации, но вместо этого в голову лезут воспоминания о Мише и отце. Чувствую себя почти так же паршиво, как и в день похорон.

Я выскочила замуж в восемнадцать, по большой любви, за самого лучшего работника отца, на которого он возлагал большие надежды. Училась, тянулась за Мишей. И всегда думала, что мой муж – ас в бизнесе. А после его смерти оказалось, что он оставил мне кучу проблем и долгов. Наверное, поэтому в последний месяц перед катастрофой Миша был дерганным и нервным.

Фирма с трудом держится на плаву, прибыли почти нет, мне едва хватает на заработную плату сотрудникам. Однако Нина, моя подруга и по совместительству юрист, утверждает, что при грамотном подходе все получится.

Впервые не знаю, как поступить. Мне страшно. И так понятно, что люди Монастырского не шутят и завтра будут у дверей моей квартиры. А что станет с бабулей, после того

как угрозы воплотятся в жизнь? Кто будет ухаживать и присматривать за ней, если со мной что-то случится? Разве ее сердце выдержит еще один удар? А мое – если потеряю последнего близкого человека?

Дверь кабинета хлопает. Я вздрагиваю и отвожу взгляд от окна.

– В общем, я всё узнала, – тараторит Нина. – Поверь, это наилучший вариант. Репутация у Шахова, конечно, небезупречная, но самое главное, что они с Монастырским давние конкуренты. Несколько лет назад вели общее дело, стройка подходила к концу, но случилось ужасное – погибла бригада рабочих. Как ты думаешь, на кого повесили вину?

– На Шахова? – без энтузиазма выдвигаю я свою версию.

– Да! Не знаю как, но он выиграл суд, и компенсации семьям погибших выплачивала фирма Монастырского. С тех пор эти двое друг друга ненавидят. Вот номер помощника Григория Игоревича. Звони!

Закусываю губу и смотрю на визитку. Несколько бессонных ночей сделали свое дело: на происходящее я реагирую уже не так остро и эмоционально, как было пару дней назад.

– Ну если не хочешь ты, давай я, – предлагает Нина. – У нас с тобой похожие голоса. Если вдруг соединят, найду, что сказать, а ты один фиг просить не умеешь. И с таким взглядом не смей идти на встречу, слышишь? Нам необходима помощь!

– Какой у меня взгляд?

– Мертвый! Еще жить и жить, а ты нос повесила...

– Я просто устала тянуть все одна. Толком от горя отойти не успела, а падальщики тут как тут. Теперь еще и Монастырский. Проблемы сыплются на голову как из рога изобилия. Я вот думаю, может, бабушку отправить куда подальше? Пока тут поспокойнее не станет.

– От темы не уходи, – строго говорит Нина. – Монастырский не отступится. Либо отдавать ему все и идти на улицу, либо звонить Шахову и попытаться что-то сохранить. По-другому никак.

Я с минуту смотрю на визитку на столе. Взвешиваю все за и против. И соглашаюсь:

– Ладно, давай звонить помощнику Шахова.

Вдруг это и правда выход? Одна не вытяну войну, а выкидывать белый флаг рано. Долгов куча, замы сбежали. – мне нужна помощь. Если допустить, что Шахов не откажется помочь и слияние будет на выгодных нам условиях, то я сохраню дом, компанию, заработные платы сотрудникам. Всяко лучше, чем через двадцать четыре часа остаться с голым задом на улице, все потеряв.

Нина набирает человека Шахова и, рыдая в трубку, просит о встрече с Григорием Игоревичем. Говорит, что согласна на любые условия по слиянию, только бы сохранить дело всей жизни родного отца и погибшего мужа.

Хорошая актриса. Я бы так точно сейчас не смогла. Последние два дня диапазон эмоций – как у зубочистки. Ли-

бо нужно выпить вина, чтобы немного отпустить ситуацию, либо... Даже не знаю, что могло бы встряхнуть меня из панциря.

– Фух, всё, – вздыхает Нина. – Если через пару часов ответа не будет, то твоя очередь звонить. Зуб даю, Шахов заинтересуется предложением.

Через два часа Нина опять звонит помощнику Шахова. А еще через два – наливает мне вина, потому что Платон Езерский сообщил о согласии своего хозяина на встречу. Она назначена на восемь вечера в ресторане в центре Москвы.

Радости по этому поводу я не испытываю. Наоборот, становится лишь тревожнее. Мало того, что один проходимец хочет отнять у меня все, так я решила довериться другому.

– Что ж, сейчас сделаю тебе прическу и макияж. – Нина оглядывает меня и подливает вина. – Маникюр свежий, педикюр тоже. Кстати, я погуглила, Шахов холост...

– Нина, хватит. – Предостерегающе смотрю на нее, испытывая раздражение. – Если его помощь выйдет за рамки договора, – киваю на стол с папками, – то я на такое не соглашусь.

Заметив мой недовольный вид, подруга закатывает глаза.

– Ладно-ладно. Только когда переступишь порог ресторана, подумай о бабушке, обо мне. В конце концов, о себе. С виду ты, может, и сильная, но мы обе знаем, что это не так. Твоя храбрость напускная. – Нина поднимает за-

пястье и смотрит на часы. – Всё, времени мало, едем собираться. Сейчас помогу тебе навести марафет, а вечером ты как-нибудь сама. От решения Шахова зависит будущее твоей фирмы. Нужно произвести хорошее впечатление на этого человека.

Маловероятно, что в таком настроении у меня получится это сделать, но попытаться стоит. На кону и впрямь очень много. Постараюсь быть милой.

Через пятнадцать минут мы с Ниной едем на такси ко мне домой. Подруга помогает соорудить прическу, выбирает платье из гардероба, наносит макияж. Попутно общается с бабулей, пока я морально настраиваюсь на вечернюю экзекуцию.

Не хочу идти на встречу с Шаховым, не хочу ни о чем его просить, но еще больше не хочу завтрашний день и людей Монастырского под дверями своего дома.

Из двух зол выбирай меньшее? Но от кого зла будет меньше, я пока не знаю.

Глава 2

На негнущихся ногах я иду к ресторану, где сегодня проходит какая-то светская тусовка. Радует, что Шахов назначил встречу в людном месте. Пока ехала в такси, немного погуглила про Григория Игоревича. И его внешность тоже внимательно рассмотрела – не в моем вкусе. Либо фотографии попались не совсем удачные. До красавчика Сомерхолдера, да хотя бы до обаяшки Клуни, Шахову далеко. Тем более – до моего Миши.

Встряхиваю головой. Не хочу думать в этот вечер о муже. Психолог мне, безусловно, помогла, но не настолько, чтобы захотелось вернуться к жизни после такого страшного потрясения. Иногда думаю, что частичка меня разбилась вместе с тем самолетом, в котором был муж.

Достав из сумки зеркало, промакиваю салфеткой уголки глаз, в которых начинает собираться влага. На мне сейчас тонна пудры и румян, чтобы скрыть серый оттенок лица. Я по-прежнему мало сплю, хотя по Мише почти не плачу. Теперь стала переживать из-за дел фирмы и плохого самочувствия бабушки. Уж не знаю, моя это заслуга или Эльвиры Арнольдовны, что фокус внимания сместился на другие вещи, но кажется, мне и впрямь стало капельку легче принимать *такую* реальность.

Администратор при входе задерживает взгляд на моем де-

кольте и лишь потом спрашивает фамилию. Нина настояла на откровенном наряде, сама бы я ни за что не отважилась надеть это платье на встречу с незнакомцем. Грязных предложений Монастырского хватает. Но, скорее всего, другого шанса привлечь внимание Шахова не будет. Да и встречают, как известно, по одежке. У меня она сегодня очень впечатляющая.

– Дунаева Агния, – называю свое полное имя. – Григорий Игоревич Шахов назначил мне встречу на восемь.

– Проходите. – Администратор указывает взглядом, куда идти.

Каблуки звонко цокают по коридору. Я очень сильно волнуюсь. Администратор ждет, когда расположусь за столиком, интересуется, буду ли я делать заказ сейчас или позднее, вкратце рассказывает о мероприятии, которое проходит сегодня в стенах заведения, после чего оставляет меня одну.

Шахов не торопится появляться в ресторане – сильно опаздывает. Я набираю Нине и хочу спросить, точно ли встреча назначена на восемь, как вдруг замечаю высокого мужчину, который приближается к столику. Идет уверенной походкой через весь зал, разговаривая с кем-то по телефону. С картинкой из интернета у Шахова – а это именно он – мало общего. По крайней мере, от снимка не исходило такого давящего напряжения. И глаза... Взгляд у Григория Игоревича такой, будто он хочет содрать кожу и добраться до самых потаенных уголков души, узнать все секреты.

Я сбрасываю вызов, наблюдая, как Шахов подходит вплотную к столу. Завершив разговор, убирает телефон в карман пиджака. Садиться не спешит. Внимательно смотрит на меня сверху вниз. По непроницаемому выражению лица ничего невозможно прочесть.

Телефон в руке начинает вибрировать. Я едва не роняю его от неожиданности. Сбрасываю звонок подружки, затемняю экран и прячу сотовый в сумку.

Вспоминаю о Монастырском и его амбалах, о бумагах, которые принесла с собой, бабушке и бессонных ночах. Отчаяние толкнуло на безумный шаг, поэтому я здесь. Завтра слишком туманно и может не наступить вовсе. Не стоит об этом забывать.

– Агния Львовна, – набравшись смелости, протягиваю Шахову папку вместо руки, потому что его разглядывания вгоняют меня в краску.

– Григорий Игоревич, – представляется он и наконец-то садится за стол.

Больше не нужно высоко задирать голову, но когда наши глаза оказываются на одном уровне, я вдруг испытываю еще больший дискомфорт. Нет, и близко ничего общего этот мужчина не имеет с тем, кого я видела на снимках. Да и их было очень мало.

Пристальный взгляд по-прежнему сканирует мое лицо. Шахов берет папку и откладывает ее на край стола.

– Если не против, то сначала поужинаем, а потом погово-

рим о деталях. Я очень голоден.

– Да, конечно, – киваю я.

Шахов жестом подзывает официанта. Просит принести бутылку красного вина и два стейка.

Я продолжаю наблюдать за ним, снова вспоминаю снимки из интернета. В какой-то беседе Шахов признался, что не позирует для фото и не дает интервью. Интересно почему?

– Бумаги изучат юристы и финансовый отдел, а сейчас мне бы хотелось услышать суть проблемы, – раздается его холодный баритон. – И фамилии людей, которые доводят до отчаяния и угрожают.

Стойко терплю тяжесть темного взгляда, который все-таки опускается к моему декольте. Правда ненадолго. К нам подходит официант с вином и разливает его по бокалам.

Шахов смотрит на меня в упор.

– Выпей, – звучит как приказ.

Мне не нужно повторять дважды, тем более я и впрямь сильно нервничаю, а алкоголь всегда действует расслабляюще. Иной раз даже – как сыворотка правды.

Делаю два глотка. Чувство неуверенности притупляется почти сразу же. Сегодня я не успела ничего поесть.

Очень обнадеживает, что человек напротив ведет себя спокойно и уверенно. Не давит. Дает время. Только сейчас вдруг осознаю, что весь предыдущий месяц я постоянно чем-то занималась, куда-то бежала, что-то планировала – лишь бы не думать о Мише. Даже к священнику ходила

на исповедь, что на меня совсем не похоже.

– Несколько месяцев назад умер отец, муж погиб. Когда немного пришла в себя и вступила в наследство, поняла, что дела фирмы идут не так хорошо, как это казалось при жизни близких людей. Возможно, я бы и дальше пыталась справляться сама, нашла инвесторов, но Монастырский помешал моим планам.

– Как ты на меня вышла? – вкрадчиво спрашивает Шахов.

– Нина Артёмова, мой юрист, собрала необходимую информацию. Узнала номер телефона вашего помощника. – Стараюсь, чтобы голос звучал максимально ровно, но слышно, как он дрожит.

Даже не знаю, что нервирует больше. Спокойный вид Шахова или то, что скрывается за этой невозмутимостью. Человек, сидящий передо мной, – опасный хищник. Будет молча наблюдать до последнего, а в самый непредсказуемый момент вцепится зубами в горло.

– Хочешь столкнуть нас с давним знакомым лбами, правильно я понимаю?

От тона, которым Шахов произносит эти слова, грудь опалает приступ учащенного сердцебиения.

– Монастырский требует невозможного. Я не готова отдать дело своего отца и мужа. Сейчас это мой единственный заработок.

Намеренно не говорю, что не только заработок. Бизнес и работа помогают справиться с душевной болью.

– А мне, значит, готова отдать?

– Никому не готова, – отрицательно качаю головой. – Я пришла обсудить сделку и ее условия. Мы с командой разработали бизнес-план. После привлечения инвестиций прибыль может выйти на новый уровень. Однако без посторонней помощи и денег нам не выжить. Но речь именно о помощи, – делаю акцент на этом слове, – а не о полном поглощении фирмы. Желательно с гарантиями, что я продолжу ее возглавлять. Целая и невредимая. Мы готовы отдать половину акций и впоследствии перечислять вам пятьдесят процентов прибыли с условием, что будем под вашей защитой и нас перестанут прессовать. Давления со всех сторон очень много. Одной мне не справиться.

Официант приносит заказ. Шахов берет в руки нож и вилку, режет свой стейк и отправляет в рот кусочек мяса. С кровью. Выглядит впечатляюще. По коже бегут холодные мурашки от этого человека. Я обращаю внимание на кисти его рук. На одной виднеется шрам, который уходит под манжет рубашки. Шахов замечает, что разглядываю. Смотрит в ответ и ест мясо. Съедает всё до последней крошки.

– Почему не притронулась к еде? – интересуется он.

– Не ем мясо с кровью.

Григорий Игоревич берет салфетку, вытирает рот и кладет ее обратно.

– То есть твое предложение заключается в том, что при удачном инвестировании в обмен на проблемы с Мо-

настырским я получаю пятьдесят процентов прибыли?

Киваю.

– А при неудачном?

Кажется, я замечаю блеск в его глазах.

Телефон Шахова заливается звучной третью. Григорий Игоревич смотрит на часы, отвечает, что задержится и чтобы начинали торги без него. Отложив мобильный, подзывает официанта и просит принести счет.

– Увеличим процент прибыли, и я начну работать лучше, – отвечаю на его вопрос.

Лицо и плечи сковывает напряжением от взгляда Шахова.

– Я с водителем. Куда тебя отвезти?

– Не стоит. Я доберусь на такси.

Шахов опять смотрит на меня в упор.

– Адрес, – повторяет таким тоном, что не решаюсь перечить.

Пусть везет, раз так хочется. Может, дорогой еще что-то успеем обсудить. Называю улицу и дом.

Шахов встает из-за стола и берет папку. Я вскакиваю следом. Иду за Григорием Игоревичем на улицу. Ощущаю себя странно. То ли это действие вина, то ли понимание, что Шахова, похоже, заинтересовало мое предложение и он его обдумает. В противном случае оставил бы папку на столе и не стал предлагать подвезти, правильно?

Я сажусь на заднее сиденье. Шахов располагается рядом. У его туалетный воды приятный запах, но все равно про-

шу водителя открыть окно. Жду, что наша беседа продолжится, но Григорию Игоревичу опять звонят. Он обсуждает с кем-то предстоящую конференцию, затем отдает поручения по новой сделке и заканчивает говорить аккуратно в тот момент, когда машина подъезжает к моему дому. Шахов выглядывает в окно, буквально на пару мгновений, после чего поворачивается.

Собираюсь уточнить, на какое решение мне рассчитывать, но Григорий Игоревич опережает:

– Завтра я улетаю из страны на пару дней. Когда вернусь, сообщу, где и во сколько ты будешь меня ждать.

В районе солнечного сплетения поднимается вихрь. Это ведь не то, о чем я подумала? Хочу сказать, что предложение ограничено лишь пакетом акций и процентами, но в это мгновение дверь с моей стороны распаивается. Водитель услужливо подает руку.

– До свидания, Агния, – прощается Шахов, возвращая внимание к своему вновь звонящему телефону.

Позвоночник прошибает озноб. От ощущения надвигающейся опасности. Да, я сама добивалась этой встречи и просила Шахова о помощи. Только совершенно о другой.

Глава 3

Переступив порог дома, слышу, как бабуля вместе с Ниной идут мне навстречу. Подруга осталась ждать меня, но лучше бы поехала домой, потому что я не хочу сейчас обсуждать ужин с Шаховым. А придется. Больше не с кем.

– Ну, как все прошло? – взволнованно спрашивает Нина.

Скидываю неудобные туфли и сажусь на пуф. После такого прощания нужно еще бокал вина. Как минимум. За коленку меня никто не трогал, грязных и пошлых намеков не делал, смотрел Шахов вполне прилично, вел себя – тем более, но концовка этого вечера начисто убила во мне веру в доброту и порядочность Григория Игоревича. Хотя это последнее, на что следовало рассчитывать в такой ситуации. Люди, достигшие заоблачных высот, как правило, не склонны к лишним сантиментам и сразу дают понять, чего ждут от других.

– Шахов забрал документы для ознакомления. – При бабуле я не стану посвящать Нину в подробности сегодняшнего ужина.

– И всё?

– И всё.

Бабушка, не вмешиваясь, за нами наблюдает. Поджмывает губы и отворачивается. Я бы и рада была сохранить какие-то нюансы в тайне, но люди Монастырского и домой успели заглянуть. Пришлось в общих чертах рассказать о своих про-

блемах, но разве старого человека проведешь? В ее глазах столько мудрости, что иной раз лучше промолчать, дабы не показаться глупой.

– Чай вам заварю, – произносит бабушка спустя долгие секунды молчания и оставляет нас с Ниной одних.

– Ну? – Подруга впивается в меня серьезным взглядом. – Тебя не было три часа. Шахов не принял никакого решения за это время?

– Принял. Только мне оно не нравится. Я на такое не подпишусь. Ясно?

– А вот с этого места поподробнее, – просит Нина.

– Вел себя этот тип вполне сносно, но в конце вечера, после того как подвез, сказал, что его не будет в городе несколько дней. А как прилетит, скинет эсэмэской время и место встречи.

– То есть...

– То и есть, – вздыхаю я. – Полкоролевства и любовницу в придачу он хочет. Еще и года не прошло, как Миши не стало, а я сразу прыгну в койку к другому? И при каких обстоятельствах? Стану содержанкой в обмен на защиту. И то спорно, тут больше узаконенной проституцией отдает. Шахов мне деньги и стабильность, я ему – тело и минеты. Как, скажи, после такого верить в лучшее? – Вопросительно смотрю на подругу.

– Ну-у... – тянет Нина. – Чего-то такого и следовало ожидать. Ты очень красивая девушка, да еще и в беде. Но я не ду-

мала, что Шахов до такой степени скотина, чтобы не оставить тебе выбора.

– Да нет уж. Это я дура. Не нужно было идти в ресторан и просить Шахова о помощи.

Дав себе секунду собраться с духом, я поднимаюсь на ноги. Не хочу показать бабушке, как в действительности расстроена. Нина отступает, пропуская вперед. Смотрит потерянно. Кажется, даже чувствует вину, ведь это была ее инициатива со звонком.

– Ась, – летит мне в спину. – Может, ты отдохнешь, встанешь утром и передумаешь?..

Нет, ошиблась. Нина явно не чувствует себя виноватой.

Резко поворачиваюсь, испепеляя подругу глазами. Не верю, что она предлагает мне спать с Шаховым.

– Ну вдруг это просто еще одна встреча...

– Меня пугает твоя наивность.

– У Шахова хорошая репутация. Вокруг полно доступных баб. Объяснишься с ним. Не станет же он тебя насиловать, в конце концов. Нам очень нужны эти деньги. – Последнее предложение Нина произносит громче.

Я шиплю на нее и киваю в сторону кухни. Не хватало еще, чтобы бабуля все это услышала и ее свалил сердечный приступ из-за непутевой внучки, которая решила продаться ради бизнеса погибшего мужа и родного отца.

– Вадиму позвоню, – отвечаю, подумав.

Это двоюродный брат Миши. Пусть у них были не очень

хорошие отношения в последнее время, но должен же быть какой-то выход! Не хочу я отдавать свою фирму Монастырскому. И ехать в отель к Шахову тоже не хочу! Стать подстилкой влиятельного человека не входило в мои планы. Ничего кроме внутреннего отторжения эта мысль не вызывает.

На кухню захожу, надев на лицо маску беззаботности. Мы пьем чай, бабуля рассказывает о сериале, который крутят по телевизору, вспоминает историю из жизни с дедом, похожую на сцену из ящика. Потом, пожелав нам спокойной ночи, идет готовиться ко сну. Я бы тоже не прочь лечь: день был длинный и напряженный. Голова болит.

Нина смотрит на часы и подходит к окну. Открывает его и достает сигареты.

– Меньше десяти часов, Ася. Завтра утром Монастырский пришлет своих амбалов.

– Ты сейчас похожа на сутенершу. Надо было тебя отправить на встречу с Шаховым, – удрученно хмыкаю я.

– Да уже сама жалею, что не пошла вместо тебя. Кстати, такие, как он, в моем вкусе.

Я молча гипнотизирую фарфоровую чашку, думая о завтрашнем дне. Впервые не знаю, как поступить. Если изо дня в день придется принимать жесткие решения и так нервничать – лучше заняться вышиванием.

– Ладно. Не хочешь с Шаховым встречаться – не надо. Но как будем выходить из ситуации? На днях людям платить. Мы опять в долгах как в шелках... А послезавтра мо-

жет и вовсе не наступить, – «обнадеживает» меня подруга.

– Попробую у Вадима помощи попросить. У него как раз дела пошли в гору.

– Это еще хуже, чем новая встреча с Шаховым! – озвучивает Нина мои мысли.

Но тогда я буду уверена, что попробовала всё, абсолютно всё. Если брат Миши откажет, то другого выхода не останется, кроме как согласиться на встречу с Григорием Игоревичем. Чтобы сказать ему, что я готова отдать шестьдесят процентов акций, только бы он не трогал меня. Господи, как со всем справлялся мой муж?

– Миша бы не одобрил, если бы ты пошла к Вадиму, – давит Нина на больное.

– Можно подумать, он пришел бы в восторг от интрижки с Шаховым.

– С Вадимом у них были разногласия. Серьезные, – продолжает давить Нина, но уже интонациями, и тянется за второй сигаретой.

Нервничаем обе. Это понятно. Но не Нине придется встречаться с Шаховым. Что же делать? Решаю дожидаться утра. Если желание позвонить не пройдет, то наберу Вадима.

Мы допиваем чай, и я иду провожать Нину. Вопреки опасению, что не смогу уснуть, засыпаю сразу. То ли это действие алкоголя, который я давно не пила, то ли нервное перенапряжение, но сплю сном младенца до сигнала будильника утром.

Пока бабушка готовит вкусный завтрак, я кручу в голове наш разговор с Шаховым. Пытаюсь анализировать, что ждет меня дальше. Может, Григорий Игоревич и обладает терпением, но где гарантии, что не потеряет его, как Монастырский?

– Ася, ты мне позвони, как доберешься до офиса, – вдруг произносит бабушка с волнением в голосе.

Я отрываю взгляд от чашки.

– Все будет хорошо, – обнадеживаю свою старушку.

Поднимаюсь из-за стола и обнимаю ее слегка ссутулившись плечи.

– Позвони, – настаивает бабуля.

– Обязательно. – Чмокаю ее в щеку, благодарю за завтрак и иду собираться.

Набираю Вадима, но он не отвечает. Чему я даже не удивлена. Ладно, попытаюсь позднее.

Из дома выхожу с опаской. Сердце стучит как сумасшедшее. Надеюсь, люди Монастырского будут ждать в офисе. Но чуда не происходит. Я вижу двух амбалов рядом со своей машиной.

Страх сдавливает горло длинными когтями, не сразу получается сделать полноценный вдох.

– Доброе утро, Агния Львовна, – с насмешкой произносит один из бугаев, облокотившись о мою машину. – Прокатимся? – кивает в сторону черного внедорожника.

Я оглядываюсь по сторонам. Никого, кроме мужчины

в костюме, который вышел из седана представительского класса, не замечаю. Даже если начну кричать, не уверена, что кто-либо поможет. Недавно я видела ролик в сети: на остановке напали на девушку. За бедняжку никто не заступился. Лишь какие-то парни сняли видео и убежали, смеясь на камеру, что давно не получали такого адреналина.

– Отойдите, – прошу, придав голосу твердости.

Если получится сесть в автомобиль и уехать, то отправлюсь напрямиком в полицейский участок. Возможно, у Монастырского и там найдутся подвязки, а на меня снова начнут давить, но я не собираюсь сдаваться.

Издав громкий смешок, бугай отрицательно качает головой и смотрит на меня настолько наглым взглядом, что едва сдерживаюсь, чтобы не заехать ублюдку каблуком по яйцам.

– Ты в кого такая бесстрашная, дамочка? – Он хватается за локоть и больно сдавливает.

Я взвизгиваю, больше от неожиданности. И прихожу в еще большее недоумение, когда за спиной слышится незнакомый мужественный бас:

– Ну-ка отпустил девушку и отошел от ее машины.

Человек Монастырского беспрекословно выполняет команду и отступает от меня.

Оборачиваюсь, чтобы рассмотреть спасителя и поблагодарить, что заступился, но слова застревают в горле. А сама я едва не делаю шаг в сторону своих обидчиков, потому что мужчина в черном костюме, раскрыв полы пиджака, демон-

стрирует пистолет в кобуре.

Шумно сглатываю. Такие штуки я видела только в кино и по телевизору.

– С этого дня я охранник Агнии Львовны, – продолжает басить незнакомец. – Григорий Игоревич Шахов просил передать Борису Артемьевичу привет. – Он указывает подбородком в сторону своего седана: – Идемте, Агния Львовна.

Мне требуется несколько секунд, чтобы сдвинуться с места и последовать за своим спасителем, то есть охранником. Это гораздо лучше, чем отпетые головорезы Монастырско-го. И все бы ничего, помощь от Шахова подоспела вовремя, но мои планы неизменны: я не готова спать с другим мужчиной. О чем и сообщу Григорию Игоревичу, когда он вернется из своей командировки.

Глава 4

– Как вас зовут? – интересуюсь я у охранника и невольно морщусь, представляя, чем в итоге обернется такая помощь.

– Захар, – коротко отвечает мужчина.

Мой новый знакомый похож на каменное изваяние. На лице – ни одной живой эмоции. Сев за руль, этот человек напялил очки, хотя на небе сегодня даже намека нет на солнце. Вряд ли боится, что его сглазят. Наверное, это все-таки имидж.

Удивляет и одновременно обнадеживает, что охранник везет меня по знакомой дороге, в офис. И поражает, насколько Захар информирован о моем распорядке дня, ведь прошло всего ничего времени после вчерашнего ужина с Шаховым. Крепнет ощущение, что все прелести общения с Григорием Игоревичем ждут впереди.

– Вы можете дать номер телефона своего хозяина?

Статуя размышляет несколько секунд, после чего достает из кармана пиджака телефон. На светофоре набирает кому-то сообщение. Не проходит и двух минут, как на сотовый поступает звонок.

– Прямо сейчас можете поговорить с Григорием Игоревичем. – Захар передает мне свой телефон.

Вообще-то я не сейчас хотела, а в принципе.

Непослушными пальцами беру сотовый и прикладываю

к уху, чувствуя внутреннее напряжение.

– Здравствуйте... – начинаю вежливо, но меня перебивают.

– Я на важных переговорах, – раздается голос Шахова. – Если у тебя ничего срочного, давай позже созвонимся.

Ни приветствия, ни намека на то, что я и впрямь Григория Игоревича заинтересовала. Хотя если он приставил ко мне охранника и передал «привет» Монастырскому, значит, совершенно точно захотел дать отпор давнему знакомому и включился в игру. Пока не знаю, хорошо это или плохо. Важно другое.

– Я не отниму у вас много времени. Прежде всего спасибо, что позаботились о моей безопасности, но считаю нужным прояснить один важный момент. Я попросила помощи вовсе не для того, чтобы от меня еще сильнее захотели избавиться. Если в ваших планах использовать меня как пешку и заниматься криминалом, то я поищу другие варианты. Пусть менее выгодные, но зато безопасные.

– Юристы уже подготовили бумаги по слиянию. После обеда мой человек приедет на сделку, – произносит Шахов, давая понять, что это решенный вопрос.

Теряюсь от мягкости и в то же время требовательности в его голосе, так не сочетающихся друг с другом.

– То есть?.. Вы...

– Не я, – звучит слишком уверенно, и я ощущаю, как начинает сосать в районе солнечного сплетения. – Мои специ-

алисты ознакомились с бумагами, я профинансирую проект. Условия, которые ты предложила, мне подходят. Все будет на законных основаниях, никакого криминала.

Мне кажется, что слова «предложила условия» звучат крайне двусмысленно. Это ведь меня в итоге поставили перед фактом.

Молча закусываю губу, глядя в окно. Сколько осталось до приезда человека Шахова? Часа два? Или того меньше. А Вадим так и не дал о себе знать.

– Мне нужно время. Давайте...

– Я не могу сейчас говорить, – напоминает Шахов. – Если возникнут какие-то вопросы, то мой помощник Платон Евгеньевич к твоим услугам.

Я слушаю гудки в трубке телефона, а после – звенящую тишину. Накатывает воспоминание о вчерашнем вечере. Может, с Шаховым и опасно иметь дело, но противостоять ему – еще безрассуднее. Не хотела бы я оказаться на месте Монастырского. Да и на своем тоже.

Возвращаю телефон водителю и достаю свой. Пишу Нине сообщение, что через двадцать минут буду в офисе и она мне срочно нужна. Особенно после услышанного. Никаких документов без своего юриста я подписывать не буду. Нина – грамотный специалист и не позволит, чтобы меня обманули или ввели в заблуждение.

Машина заезжает на подземную парковку. Останавливается на том месте, где я всегда ставлю свою. По телу несут-

ся мурашки от того, что даже такие подробности известны постороннему человеку. Причем я по собственной воле пришла к Шахову и попросила его о помощи. Никто не уговаривал.

Выхожу на улицу и нисколько не удивляюсь, что охранник тоже это делает. Ставит машину на сигнализацию и следует за мной словно тень.

Еще отчетливее ощущаю себя корабликом в бескрайнем океане, если судить о капитале моей фирмы. При желании никому не составит труда потопить угловое суденышко.

Сил и желания задавать Захару очевидные вопросы (например, откуда он знает, где располагается мое парковочное место) нет. Уверенно цокая каблуками, иду по коридору до своего кабинета. Открыв дверь, оборачиваюсь и смотрю на охранника.

– Надеюсь, в своем кабинете я могу остаться одна?

– Конечно. – Захар присаживается в кресло рядом под удивленным взглядом Светы.

– Принеси всю отчетность за последний месяц, – прошу я секретаря и скрываюсь в оазисе тишины и спокойствия.

Хоть ненадолго. До приезда Нины и человека Шахова. Хотя хватает и того, который сидит под дверью.

Света появляется с папками спустя десять минут и кладет их на край стола. Я набираю бабушку – сказать, что я в офисе и со мной все в порядке.

Секретарша не торопится уходить. Ждет окончания раз-

говора, а потом оглядывается на дверь.

– Кто это, Агния?

– Наш новый сотрудник.

Света вопросительно изгибает брови.

– Будет следить, чтобы люди Монастырского здесь больше не появлялись и не пугали тебя до смерти, – поясняю я.

Она выглядит еще более удивленной, но почти сразу берет себя в руки.

– Так это... твой телохранитель?

– Почти. Сегодня важная сделка. Нам предоставят защиту и помощь в обмен на акции и активы. Не Монастырский, так другие не дадут жизни. Лучше самим выбрать, кто будут эти люди.

– В прошлый раз действительно был перебор, я очень испугалась.

Я тоже. Только виду не подавала. А еще страшнее – что будет после заключения сделки. Хочется верить, что ничего плохого. Хотя... Окидываю взглядом кабинет, который несколько месяцев назад принадлежал мужу. Худшее в моей жизни уже произошло.

Света уходит и возвращается через несколько минут с кофе, а еще через пятнадцать минут в кабинете появляется Нина.

– У нас новый сотрудник? – задает она тот же вопрос.

– Да, надзиратель, – ехидничаю я. – Следит, чтобы никто не обижал новое приобретение Шахова. Причем, кажется,

это не только активы.

Подруга издает короткий смешок, но мне не до смеха.

– Нина, когда я думаю о новой встрече с Григорием Иго-
ревичем, по спине ползут вот такие мурашки, – показываю
ей их величину. – Интересно, где она случится? Меня сразу
повезут в какой-нибудь отель и, не успею я переступить по-
рог номера, попросят встать на колени?

– Так, отбрось панику. Никуда тебя не повезут, и мозолей
нигде не натрешь. Давай я посмотрю еще раз наши докумен-
ты, дождемся Езерского и быстро все подпишем.

– Быстро? – хмыкаю я. – Кстати, откуда ты узнала про по-
мощника Шахова?

– Издержки профессии – все и про всех знать. Кстати,
у Платона Евгеньевича большой опыт ведения дел за грани-
цей, он недавно вернулся в Россию. Года два или три от си-
лы. В своих кругах я слышала о нем только хорошее.

Это немного обнадеживает. Хотя нет, кого я обманываю.
Мне страшно.

Смотрю на телефон. Вадим так и не перезвонил. После об-
щения с Шаховым прошло почти два часа, его человек вот-
вот придет. Из всех возможных вариантов это утро у меня
относительно доброе, а могло таким и не быть.

– Так, у нас всё в полном порядке. Ну, по бумагам, – уточ-
няет Нина. – Ждем теперь их договор. Вообще, мне нравится
подход Шахова. Меньше слов, больше дела. Все бы, как он.

– Монастырский тоже особо не разговаривал.

– Ты поняла, о чем я, – закатывает Нина глаза.

– Еще немного, и я решу, что у вас с Шаховым какие-то личные договоренности. Почему я отношусь к нему насто-роженно, а ты так, будто это наш свет в окошке? – спраши-ваю то, что не дает покоя.

– Да бог с тобой. Я тоже боюсь и переживаю не меньше твоего, но в панике нет ничего хорошего. Ась, я ипотеку взя-ла огромную, у тебя куча кредитов. А мы всего лишь без-защитные женщины. Твой муж, когда брал меня на работу, не говорил, что подложит такую свинью. Вы вообще о ребен-ке задумывались. Коршунов, мой непосредственный началь-ник, был очень доволен моими результатами, обещал быст-рый карьерный рост. Только что в итоге? Нам теперь прихо-дится выживать самим. Я тебя точно не подведу.

Вздыхаю, снова думая о Мише и его трагической гибели.

– К тому же мы со студенческой скамьи вместе. Все будет хорошо, – убеждает Нина и снова погружается в бумаги.

Я никак не могу сосредоточиться на работе: жду появле-ния Езерского. Когда Света звонит и сообщает, что он при-ехал, пульс за секунду разгоняется до максимума. Так пере-живаю, что совершаю ошибку! Еще раз бросаю взгляд на те-лефон. Вадим молчит. Предложить перенести сделку тоже не могу. Сама ведь о ней просила.

Платон Евгеньевич оказывается приятным мужчиной с очень умными глазами и красивой речью.

– Теперь понимаю, почему Шахов выигрывает все суды, –

тихо шепчет Нина, изучая документы и слушая Езерского, который рассказывает о новом порядке ведения нашего общего с Шаховым дела.

Почти общего. Я пока ничего не подписала.

– Всё в порядке, – заключает она. – Пробегись сама глазами, особенно по пункту семь десять. Там про раздел активов и проценты. Вы на такие цифры договаривались?

Листаю договор. Прописано шестьдесят на сорок в нашу пользу. Ох... Аукнутся мне эти десять процентов. Но, с другой стороны, может, это даст возможность избежать интима с Шаховым?

– Да, все верно.

Ставлю подпись на каждом листе и отдаю экземпляр Езерскому, думая об утренних бугаях Монастырского. Теперь они ко мне и на расстояние вытянутой руки не приблизятся.

Помощник Шахова еще раз пробегается взглядом по бумагам, складывает их в папку и, пожелав нам хорошего дня, уходит.

– Супер! – Нина хлопает в ладоши. – Все получилось очень быстро и на уровне. Даже не верится!

Только меня это почему-то не радует, а пугает. Еще больше – когда в конце трудовой недели на телефон приходит сообщение с незнакомого номера.

Горло в одночасье забивается волнением, когда читаю текст:

«Через час за тобой приедет моя машина».

Даже без подписи я знаю, кто это прислал.

Глава 5

Нервно сжимаю телефон, заставляя себя не паниковать раньше времени. Шахову следовало бы в начале рабочего дня сообщить о том, что он хочет встретиться. Вдруг у меня были планы на вечер? Или он специально это сделал в последний момент, чтобы я лишилась повода для отказа? Если так, то напрасно. Я не в том положении, чтобы ставить свои условия.

Через час спускаюсь на парковку и, увидев другой автомобиль и нового водителя вместо Захара, прихожу в сильное изумление, которое с трудом удается скрыть.

– Здравствуйте, – приветствует мужчина и, открыв дверь серебристого седана, бросает на меня, опешившую, взгляд.

– Добрый вечер, – отзываюсь не сразу, но тут же продолжаю: – А где Захар?

– Сегодня вместо него буду я. Меня зовут Дмитрий.

Немногословен, как и его предшественник. Из плюсов: он без очков и я могу видеть глаза этого человека. Дмитрий, кажется, приветливее Захара, но внешность часто бывает обманчива.

Машина выезжает с парковки.

– Куда мы едем? – спрашиваю я.

– Домой. К хозяину.

Не знаю, как сдерживаюсь, чтобы не попросить Дмитрия

остановить автомобиль в ту же секунду. Во-первых, я думала, что мы встретимся с Шаховым где-то на нейтральной территории, в ресторане или кафе, а меня сразу везут к нему домой? Во-вторых, мы с ним партнеры, Шахов не мой хозяин, хотя по интонации водителя сложилось обратное впечатление. Или мне показалось, что он намеренно выдержал паузу между «домой» и «к хозяину».

Заталкиваю свои чувства как можно дальше, стараясь сконцентрироваться на дороге. Не получается. Знала, что буду нервничать, но не до такой же степени. Еще больше становится не по себе, когда мы заезжаем на парковку элитной многоэтажки и водитель открывает дверь.

– Идемте, Агния Львовна, я провожу.

Забыл добавить: «К хозяину».

Взяв сумку и остатки бесстрашия, я выхожу из машины и иду за Дмитрием. Мы поднимаемся в лифте на последний этаж. Про себя отмечаю, что Шахов точно не боится высоты.

– Это единственная квартира Григория Игоревича или есть еще? – не удерживаюсь от вопроса.

– Есть загородный дом, но там Григорий Игоревич почти не бывает.

Значит, квартира не для встреч с любовницами. Это обнадеживает и в то же время пугает еще сильнее. Шахов не создает впечатление человека, который готов делиться чем-то личным и сокровенным с другими, а дом, в моем понимании, и есть такое место. Я бы ни за что не привела к своей

бабуле этого мужчину.

– Шахов живет один? – решаюсь задать еще один вопрос.

Дмитрий как-то странно на меня смотрит, затем утвердительно кивает.

Останавливается у двери и достает телефон. Слышно, как он говорит с Шаховым, а через мгновение и сам Григорий Игоревич появляется перед нами.

Сегодня на нем нет костюма, лишь рубашка с закатанными рукавами и темные брюки. Взгляд такой же холодный и спокойный. Интересно, этому где-нибудь обучают?

– Добрый вечер, Агния, – говорит Шахов и сосредотачивает внимание на Дмитрие. Отдает водителю распоряжение быть на телефоне и отпускает.

Я мешкаю ровно секунду, а потом переступаю порог квартиры. Интерьер в мрачных тонах, кругом кристальная чистота. Скорее всего, владелец здесь редко бывает, потому что невозможно содержать все в таком безукоризненном порядке.

– Идем на кухню, – доносится мягкий баритон.

Шахов закрывает дверь и проходит мимо вглубь дома. На меня веет запахом его парфюма. В памяти всплывает момент нашей встречи в ресторане. Теперь понятно, это было что-то вроде смотрин. Я понравилась Григорию Игоревичу. Плохи мои дела.

Поставив сумку на комод и скинув туфли, иду на громкий звук. Застыв в дверях, наблюдаю, как Шахов отбивает реб-

ром ножа мясо. Умеет готовить? Интересно...

– Овощи в холодильнике, – кивает он куда-то в сторону.

Я прохожу внутрь и осматриваюсь. Кухня просторная и современная, в оттенках стального цвета. Все поверхности тоже блестят от чистоты.

Ступая босыми ногами по плитке, подхожу к холодильнику, открываю его и на несколько мгновений зависаю, потому что там много мясных стейков. Только внизу чуть-чуть овощей и... больше ничего. Не особо разнообразно, но решаю не произносить эту реплику вслух.

Мою овощи и, взяв нож и доску, которые Шахов достал сам, нарезаю салат.

– Пустить в свой дом малознакомого человека и дать ему в руки холодное оружие – не слишком разумное решение.

Мы с Шаховым встречаемся глазами. От его взгляда по коже ползут мурашки. В нем сейчас лишь тень спокойствия.

– И какими будут твои действия?

Выложив стейки на прогретую сковороду, Григорий Игоревич упирается бедром в столешницу.

– Никаких. Пока меня никто не трогает против воли. Полагаю, это все вы делаете, чтобы я начала вам доверять? Наверное, в курсе моей ситуации. И не только финансовой, – уточняю я.

Шахов кивает, подтверждая догадку, что на меня у него уже есть полное досье. Проводит языком по зубам и громко

цокает, не сводя с меня взгляда.

– Давай перейдем на «ты», Агния. Хватит мне выкать. Домой я тебя привел, потому что люблю здесь бывать и готовить тоже люблю. Ты хоть и незнакомый человек, но не похожа на рецидивистку, которая вонзит нож мне в сердце. Аккуратнее, – просит он, увидев, как соскочивший нож едва не вонзился мне в палец. – Ты себя быстрее покалечишь, чем меня, если решишься на нечто подобное.

Григорий Игоревич словно смотрит мне прямо в душу, и в его голосе обманчивое благодушие. Если хоть когда-нибудь я попробую сделать нечто подобное... Нет, даже развивать эту мысль не буду.

– Я пришла, чтобы сказать...

– Давай поужинаем, и потом скажешь. Я когда голоден, часто бываю несдержан и груб. Не хочу начинать наш сегодняшний вечер с чего-то плохого.

«Господи, да он прозрачно намекает, как себя с ним вести», – осеняет меня. Это плохо и хорошо одновременно. Плохо, потому что я не уверена, что Шахов всех любовниц водит сюда. Но почему привел меня? Вопрос не дает покоя, и я решаю задать его первым, когда появится такая возможность.

Мы садимся за стол, Шахов ставит передо мной тарелку. Мой стейк он прожарил хорошо, в отличие от своего. Запомнил, что я не ем мясо с кровью? Похвально.

Я шла к этому мужчине с определенной целью – сказать,

что не буду игрушкой для его утех. Ждала, что ко мне с порога начнут приставать, распускать руки, но ничего такого пока нет. Все вполне безобидно, и почему-то крепнет чувство, что так оно и будет, если я сама не пожелаю обратного. Вроде бы мало говорим, но от Шахова исходят столь мощные вибрации, что и слов не нужно – многое видно по его умным глазам и жестам.

– Можно вопрос? Не совсем корректный...

Шахов заинтересованно кивает.

– Вы...

– Ты, – тут же поправляет он. – Можешь звать меня Григорием.

– Ты, – выдыхаю я и спустя короткую паузу продолжаю: – Ты часто приводишь сюда девушек на ужин?

– Изредка здесь бывает мать, но у нас с ней не очень хорошие отношения.

Что и требовалось доказать. Чуйка меня не подвела...

Шахов наливает нам вина и поворачивается к окну.

– Закат, – замечает он, принимая расслабленную позу. – Из окна открывается потрясающий вид. Хочешь посмотреть?

Отрицательно качаю головой и отправляю в рот кусочек умопомрачительно вкусного мяса.

– Съедобно? – спрашивает Шахов, переведя взгляд на меня.

– Да, спасибо.

Он доедает свой стейк, берет бокал вина и отходит к окну. Стоит так какое-то время, наблюдая, как садится солнце. Мне тоже нравится провожать закаты, но не помню, когда делала это в последний раз.

С недавних пор я очень боюсь высоты, особенно после своих снов. Часто снится, как падаю. Стою на краю многоэтажки, а потом делаю шаг и лечу в пропасть. Страшные и странные ощущения, от которых я просыпаюсь вся мокрая, с учащенным сердцебиением. В кабинете на тридцатом этаже даже попросила затемнить полностью два окна возле моего стола, чтобы видеть свое отражение, а не панораму города. Поначалу даже подъем в офис был похож на квест. Голова кружилась, и душила подступающая истерика. Я не сразу научилась справляться с этим состоянием. Помогла психолог. Но не до конца. Она говорит, что это психосоматика. Глубоко внутри я не могу смириться с гибелью мужа.

Окидываю взглядом широкоплечую и подтянутую фигуру Шахова. Может, внешне Григорий Игоревич и не красавец, но его энергетика не оставляет равнодушной. Чувствуются сила и надежность.

Солнце садится за горизонт, Шахов допивает вино и возвращается к столу. Подходит очень близко. В ноздри опять проникает его парфюм.

– Что ты хотела сказать?

Шахов смотрит сверху вниз, заставляя меня высоко задирать голову.

– Не очень удобно, когда ты нависаешь надо мной и давишь своим взглядом. Мысли путаются... – признаюсь я.

Он дергает уголком губ в подобии кривой усмешки.

– Ты можешь выбрать, оставаться в таком положении или быть со мной в относительно равных условиях.

Почему-то кажется, что намекает он не только на свой высокий рост.

Сложив приборы в тарелку, я встаю. Потому что Шахов выбора не оставляет. Требуется несколько минут, чтобы собраться с мыслями и сказать то, ради чего, собственно, и пришла.

– Я готова вести бизнес за двоих. У меня большое желание преуспеть в выбранном деле, собрать новую команду, согласовав все с вашими специалистами. Вы точно не пожалеете, что взялись профинансировать мои идеи. Но для утех вам лучше подыскать кого-то другого. Я не могу... Мой муж... – Запинаюсь, чувствуя, как в груди нарастает ком. Дыхание сбивается.

После паузы собираюсь закончить свою речь, но все слова застревают в горле.

Шахов поднимает руку и поглаживает мою скулу, проникновенно смотрит в глаза. Его потемневший взгляд буквально удерживает меня на месте, а потом Григорий Игоревич негромко произносит:

– Не переживай, Агния, я не претендую на его роль.

Глава 6

Шахов спускается пальцами к шее, затем ниже, расстегивает пуговицу на блузке. От промелькнувшей в его карих глазах тени по телу несутся мурашки. Григорий не вызывает отвращения. Скорее, встречный интерес. Царящий в комнате полумрак не помогает скрыть мое смущение и реакцию на этого человека и его прикосновения.

Ловлю себя на мысли, что меня впервые трогает другой мужчина. У меня никого не было кроме Миши, а после его смерти прошло не так много времени, чтобы захотеть новые отношения... Умом понимаю, что мужа не вернуть и в моей жизни обязательно кто-то появится. Но этот кто-то будет не Шахов. И не при таких обстоятельствах. Только как объяснить самой себе странное чувство, которое я испытываю к человеку напротив?

Набрав в легкие воздуха, уверенно начинаю:

– Каждая женщина мечтает, чтобы ее любили и не считали просто короткой интрижкой. Ей важно быть единственной для своего мужчины. Все это у меня было, а теперь вы хотите... – Осекаюсь и тут же замечаю, что опять перешла на официальное обращение. – Это все равно, что птицу, которая побывала на свободе, закрыть в клетке.

Мои слова не производят на Шахова должного впечатления. Но того, что я увидела и узнала, достаточно, чтобы пой-

ти ва-банк и рискнуть. Согласные на все дешевки никого не привлекают.

– Мы заключили сделку, подписали договор, и я вроде как должна быть благодарна за помощь... – Глядя Григорию в глаза, тянусь пальцами к блузке и сама расстегиваю еще одну пуговицу. – С вами заниматься этим будет не так омерзительно, как с престарелым и обрюзгшим Монастырским.

Шахов смотрит прямо, выражение его лица остается все таким же бесстрастным. Вот теперь становится по-настоящему страшно. Я, похоже, ошиблась и выбрала неверную тактику. Неужели Григорий не остановит меня и возьмет прямо на кухонном столе? Господи, какая я идиотка...

Волнение сменяется растерянностью. Я испытываю сумбурные чувства, среди которых доминирует страх.

– Продолжай, – кивает Шахов на блузку.

Я будто в своем сне – падаю с огромной высоты и стремительно лечу вниз.

– Вы...

– Мы перешли на «ты», – напоминает он. – Если Григорий для тебя слишком официально и длинно, можешь звать меня Гришей. – В голосе Шахова проскальзывает та же чувственная интонация, как и несколько мгновений назад, когда он говорил, что не собирается занимать место моего мужа.

Понятное дело, ему это не нужно, он хочет лишь мое тело.

От страха во рту пересыхает, я облизываю губы, и это еще одна ошибка. Шахов задерживает на них пристальный

взгляд. Берет мою руку и направляет обратно к блузке. Хочет, чтобы я продолжала ее расстегивать.

В его действиях – мягкая настойчивость. В конце концов, мы оба взрослые люди и прекрасно все понимаем. Просто я надеялась, что мы поговорим, и он прикажет своему водителю отвезти меня домой. Наивная.

Григорий сокращает дистанцию между нами, и я оказываюсь в облаке его вкусного парфюма. Вспоминаю наглые, навязывают глаза Монастырского... Действительно, лучше с Шаховым, чем с тем неприятным хряком.

Размышляю ровно секунду и тянусь к блузке, расстегиваю одну пуговицу, вторую. Шахов рассматривает белый кружевной бюстгальтер. Его лицо по-прежнему непроницаемо, но взгляд... Зрачки расширены, радужку почти не видно.

Почему-то думаю о том, что надеть сегодня юбку было опрометчивым решением. Но откуда мне было знать, что вечер закончится так? Хотя сама ведь пришла к этому человеку и попросила о помощи...

Шахов поднимает взгляд к моему лицу. Сердце, словно сумасшедшее, стучит от потрясения, что у меня сейчас будет секс. Нутром ощущаю, как воздух электризуется от напряжения, когда пальцы Григория трогают сосок через тонкую ткань кружева. И тот бесстыдно отвечает на ласку!

«Это все молодой организм и физиология. У меня давно не было секса», – повторяю про себя, вытягиваясь струной.

Обхватив двумя пальцами ноющую горошину, Шахов пе-

рекатывает ее между ними и при этом продолжает на меня смотреть. Григорию можно смело идти работать судьей – будет выносить вердикты одним только взглядом.

Можно, конечно, умолять, чтобы не трогал и отпустил домой, но какой в этом смысл? Все уже решено.

Шахов слегка наклоняется, движение едва заметное. Жду, что он нагло и бессовестно сворует поцелуй, но Григорий даже не думает касаться губ. Проводит носом по скуле, вдыхает запах, его рука тем временем накрывает мою грудь и сжимает. Легкий укус в шею, почти неосязаемый – и живот тут же скручивает знакомый спазм.

У Григория просто нереальная энергетика. Сильная, подавляющая. С Мишей было иначе: он долго ухаживал, давал время привыкнуть и ждал, когда я буду готова к близости. С Шаховым же все наоборот. Чем-то похоже на прыжок с парашютом, на который муж затащил меня в свадебном путешествии.

Щетина Шахова царапает кожу на лице, следом ее обжигает горячее дыхание.

– Ты мне нравишься, Агния. Или предпочитаешь, чтобы тебя звали Асей? – Хриплый голос щекочет чувствительную точку возле уха.

Запоздало понимаю, что Шахов обо мне многое знает. Только близкие обращаются так сокращенно.

Григорий впивается пальцами в мой подбородок, смотрит в глаза долго и проникновенно. Кажется, я начинаю терять

контроль из-за происходящего между нами. Все так странно...

– Я...

– Не обижу тебя, – продолжает за меня Шахов и тут же уточняет: – Если будешь милой девочкой.

Еще один легкий укус на месте, где были его руки, и Григорий резко разворачивает меня к себе спиной. Его руки поднимают подол юбки и задирают ее до живота.

Это движение не выглядит пошло и вульгарно, скорее ультимативно. Господи... Не верится, что все по-настоящему!

В голове шум и хаос. Когда я слышу, как щелкает пряжка ремня, на эмоциях пытаюсь воспротивиться.

– Все будет хорошо, робкая.

Шахов не дает возможности сбежать: кладет руку на поясницу и заставляет лечь на пустую поверхность стола. Убирает мои волосы на одну сторону и, вжавшись мощной грудью в спину, впивается зубами в мочку уха, запуская электрические импульсы по всему телу.

Это иррационально, но мне так горячо и приятно! Против воли белье становится влажным. Григорий сжимает кисти моих рук. Нежно, настойчиво, продолжая медленно целовать шею. Толкается в ягодицы эрекцией.

Может, это и постыдная участь, но едва ли такая отвратительная, как если бы на месте Шахова и впрямь был Монастырский.

Григорий вытаскивает мою блузку из пояса юбки, его руки

на спине, он справляется с застежкой бюстгалтера и ведет пальцем между лопаток.

Мне бы опять подумать о своем незавидном положении. Сейчас возьмут, как шлюху, со спущенными трусами на кухонном столе, а потом отправят домой. Но все, чего хочу – видеть глаза Шахова в этот момент. Или нет, лучше не видеть. Пусть это будет просто секс. Ничего не значащий физический контакт.

Как же глупо, очень глупо было надеяться, что Григорий ограничится одним только разговором. Но я всегда была наивной, с верой в людей, которая ни разу не довела ни до чего хорошего.

Все мысли испаряются из головы, когда внутренней стороны бедра касается твердый и горячий член Шахова. Без защиты.

– Я не предохраняюсь, – сипло выходит из меня.

– Учитывая, что у тебя нет половой жизни, несколько этому не удивлен.

Григорий сминает мои ягодицы. Сильно. Требовательно.

– Не переживай, с моим здоровьем тоже все в порядке.

Он проводит пальцами по складкам, проверяя, готова я или нет. Более чем. Короткой прелюдии вполне хватило, чтобы ощутить сильную пульсацию внизу и слабость в коленях.

Безумие...

С губ срывается тихий вскрик, когда Шахов заполняет меня глубоким толчком и замирает. Наматывает мои воло-

сы на кулак, выходит и опять врезается мощным ударом. А потом еще. С каждым его проникновением в животе что-то сжимается, заставляя желать большего. Я вонзаю ногти в столешницу и скребу по ней, теряя контроль над своим телом.

Словно почувствовав мою близость к развязке, Шахов начинает еще ритмичнее и жестче вколачивать член. Финальная вспышка кайфа гасит свет в глазах. В промежности бешено пульсирует, а тело трясет, словно в лихорадке. В груди разливается горячее тепло, выталкивая из меня хриплые стоны. Наслаждение такое сильное, что лишает всяких сил. Даже не сразу ощущаю, что Шахов толчками изливается на мои ягодицы.

Какое-то время он шумно и тяжело дышит, а потом наклоняется и касается губами виска.

– Ванная – первая дверь направо. Буду ждать тебя в спальне.

Глава 7

Долго стою под душем, думая о бокале вина, который остался на столе, и о том, что между мной и Шаховым только что произошло. Я была явно не готова к такому повороту. Могла ведь попросить Григория остановиться. Или таким образом отрезала себе путь к отступлению?

Стискиваю зубы, задерживаю дыхание и подставляю лицо горячим струям воды, стараясь не мочить волосы. Дышать начинаю, лишь почувствовав головокружение. Легче не становится. Хотя несколько мгновений назад было очень приятно. И похоже, сейчас будет снова.

Поздно говорить, что я не такая и просить Шахова отпустить меня домой. Вообще, после всего, что я позволила этому человеку, складывается ощущение, что и сама не знаю, какая я на самом деле.

Осматриваю полупустые полки в душевой. Кроме геля и шампуня на них ничего нет. Плитка темная, мрачного оттенка, но смотрится симпатично.

Позволяю себе еще пару минут передышки, смываю макияж и опускаю руку вниз. Трогаю половые губы. Они припухшие, с непривычки дискомфортно. Словно секс длился не несколько минут, а пару часов подряд.

Вытершись свежим полотенцем, я вешаю его на сушилку и, взяв свои вещи, одеваюсь. Все еще надеюсь, что смогу уй-

ти.

Комнат в квартире немного. Спальню Шахова я нахожу сразу, она такая же темная, как и ванная. Цвет благородный, но унылый, вгоняет в тоску. Мне нравится, когда в квартире много света и цветов, а эта чем-то напоминает огромный склеп.

Григорий стоит буквально в метре от окна. На кухне так же стоял. Солнце давно село за горизонт, и, наверное, ничего, кроме огней вечернего города, сейчас не видно.

Услышав шаги, Шахов оборачивается. Пробегается по мне глазами. Задерживается на лице. Бабушка часто говорит, что без косметики я на подростка похожа.

– Ты зря оделась, – раздается в тишине его низкий голос, ровный и спокойный.

Нервно сжимаю руки в кулаки, стараясь не выпалить, что мне пора домой. Это ведь явно не то, что Шахов хочет услышать.

– Подойди ко мне.

Делаю, как он велит. Нетвердой походкой иду через всю комнату и останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки. От внимания не ускользает, что душ после меня Шахов не принял, хотя ванная в его комнате, похоже, есть. Или куда ведет эта дверь справа?

Подняв руку, Григорий трогает мое лицо. Гладит скулу и смотрит так же, как и на кухне – с нечитаемым блеском в глазах.

– Всё в порядке? – спрашивает он.

Я мешкаю, не сразу найдясь с ответом. Моргаю.

Если отбросить моральную составляющую, то было хорошо. Очень. Вспоминаю силу Шахова, его руки на своей пояснице, и щеки заливают румянец.

Григорий переводит взгляд на мои губы и произносит:

– Завтра у нас ранний вылет. Через два часа Дмитрий отвезет тебя домой, собрать вещи.

С губ рвутся вопросы. Куда мы летим? Что за встреча? Как долго будет длиться эта поездка и с кем я оставлю бабушку? А главное, как сяду в самолет, если с недавних пор панически их боюсь?

– Но сейчас я хочу, чтобы ты разделась и легла на кровать.

Видя мою растерянность, Шахов не торопит со стриптизом.

Сглатываю ком в горле, заставляя себя не паниковать раньше времени и не показывать своих истинных эмоций. Не скажу, что вызывает волнение больше: предстоящая поездка или то, что сейчас между нами повторится близость. Я еще недостаточно знаю Григория, чтобы быть уверенной, что меня не обидят. Надеюсь, он не обладает извращенным вкусом. Где гарантии, что не начнет лупить меня хлыстом или не попросит лизать ему ноги?

Мощная энергетика Шахова почти физически ощутима, и я ловлю себя на мысли, что и он чувствует меня. Особенно мой страх. И ведь странное дело, ситуация из ряда вон,

а я молча повинуюсь этому мужчине и пытаюсь ему доверять. Для моего положения и характера – нонсенс! Обычно сто раз все проверю, миллион раз подумаю и только потом на что-либо решаюсь, а тут... С самой первой встречи все идет не так. Какой-то деструктив.

Расстегиваю юбку, снимаю блузку и, оставшись в белье, поворачиваюсь к Шахову. Волосы слегка распушились после душа, и на укладку не осталось даже намека. Без косметики я будто беззащитна, особенно когда опять краснею. Не вечер, а эмоциональные качели! Умом понимаю, чего добивается Шахов, но его методы слишком радикальные. Я так не привыкла.

Он как будто видит, что я тону в смущении, и, вместо того чтобы протянуть руку помощи, топит лишь сильнее, наблюдая за моими действиями. Хочет, чтобы добралась до самого дна и попыталась от него оттолкнуться? А что если не получится? Я не против попробовать, но закончится все жуткой истерикой, прежде чем я смогу полноценно дышать и осознаю, что справилась.

– Белье тоже.

Взгляд Григория сползает на мою грудь, затем ниже, и опять возвращается к лицу.

– Я словно лот на аукционе. – В голосе нет даже тени возмущения.

Впрочем, как и внутри. Это что-то другое. Интерес, помноженный на желание, чтобы сейчас было так же хорошо,

как несколько минут назад на кухне. В тот момент я практически ни о чем не думала, отпустила себя. Это затягивает. Хочется испытать подобное снова. Как затяжной прыжок с высоты.

– Тогда я тебя выкупил.

– И теперь примеряешь, в какой комнате я буду смотреться лучше? Или на какой поверхности?

Шахов усмехается.

– Ты везде будешь смотреться хорошо, Агния, – сообщает убийственно флегматично. Подходит вплотную и прожигает карим взглядом, будто хочет просочиться в мои мысли.

В комнате горит приглушенный свет, он падает на лицо Григория, и сейчас я отчетливо вижу, что радужка у него в зеленую крапинку. И в глазах тлеет огонь. На это хочется смотреть. Но такой возможности меня лишают.

Повернув меня спиной и прижав к своей груди, Шахов уверенно опускает руку на низ моего живота и трогает между ног. Почти как я себя трогала пять минут назад в душевой. Легкий укус-поцелуй в шею – и по телу опять несутся приятные мурашки. Трусы второй раз за вечер оказываются у коленей, а сама я – на кровати. Вжатая щекой в темную простыню.

Снова слышится звяканье пряжки ремня, и через мгновение я ощущаю руки на своих бедрах и глубокое проникновение члена. Из легких вырывается сиплый, пошлый всхлип. Сжимаю простыню в кулаках, отдаваясь этому мгновению

и точно зная, что еще один оргазм не за горами. Не знаю, как у Шахова получается добиться его. В жизни бы не подумала, что можно получать удовольствие с почти незнакомым человеком.

Григорий двигается быстро и резко, таранит очередью толчков до тех пор, пока я не теряю контроль над собой и своим телом. Оргазм налетает внезапно. Дикая энергия мчится по позвоночнику и взрывается в животе. Я истекаю влагой на член и бешено пульсирую, не в состоянии сделать и вдоха. Могу лишь протяжно стонать.

Разве это нормально? Впору задуматься, что со мной не так и почему я хочу еще? Григорий кончает мне на ягодичицы, издав при этом хриплый чувственный стон, от которого по телу моментально расползаются новые мурашки.

– Замри. Сейчас вытру тебя, – доносится его приглушенный голос.

Шахов ненадолго уходит.

Все-таки я оказалась права и за дверью в его спальне еще одна ванная комната.

Вернувшись, Григорий стирает с меня сперму, выкидывает салфетки и опускается рядом.

Мы лежим какое-то время вместе. Я на животе, по-прежнему вжимаясь щекой в простыню, абсолютно голая. А Шахов на спине, в распахнутой рубашке и брюках.

– И чем будем заниматься оставшиеся два часа? – спрашиваю, глядя на его профиль. – Ты будешь трахать меня на каж-

дой твердой поверхности своего дома?

Григорий лениво приподнимает уголок губ.

– Я похож на мальчика, который не вылезает из кровати и трахает женщину всю ночь напролет?

– Откуда мне знать?

Хотя мы занимались сексом, есть ощущение, что переходить черту нельзя. Надо быть аккуратнее со словами и вопросами. Рядом хищник. Который в любой момент может накинуться.

– У меня большой бизнес, Агния. Он требует усилий и полной отдачи. Совмещать личную жизнь и проекты – дело энергозатратное, но я умею расставлять приоритеты. Сегодня трогать тебя больше не буду. Сейчас я уйду в кабинет работать, а ты выпьешь вина и отдохнешь. Освоишься. Теперь будешь бывать здесь несколько раз в неделю. Я сообщу, по каким дням.

Ничуть не удивлена услышанному. Хищник со встроенным в черепную коробку чипом трудоголика. Вот и вся загадка.

– Можно задать вопрос? Для меня это важно.

– Задай.

– Сколько у тебя любовниц?

– Я ведь могу соврать, чтобы усыпить твою бдительность, – хмыкает Григорий.

– Лучше сразу скажи правду. И вообще всегда ее говори.

Шахов поднимается с кровати, оправляется, смотрит

на меня сверху вниз:

– Одна. И с сегодняшнего дня постоянная.

Он разворачивается и выходит из спальни.

Глава 8

Непривычно весь вечер находиться вне стен рабочего кабинета. Тем более – в чужой квартире. Я сижу на кухне Шахова и пытаюсь вспомнить, когда проводила время с общими знакомыми, да хотя бы просто выходила куда-нибудь. Обычно перекинусь несколькими фразами с бабулей утром, потом с Ниной, и полностью погружаюсь в бумаги. Ну или в терапию с психологом. Я никогда не испытывала и сотой доли тех эмоций, что получила сегодня.

Загибающийся бизнес, расшатанная психика, заплаканные глаза и реальная возможность стать содержанкой богатого мужчины – вот и все, что досталось мне в наследство от мужа. Хорошие перспективы, ничего не скажешь.

Допиваю вино и иду мыть бокал. Уверена, у Шахова есть домработница, и завтра утром она начистит все до блеска. Но я не знаю, чем заняться, чтобы не думать о своем положении, поэтому убираюсь сама.

Господи, если задуматься о том, что делаю, – впору и впрямь выброситься из окна. Была женой любимого мужчины, успешного бизнесмена, а стала временной любовницей совершенно неизвестного человека. Это вообще справедливо, что обо мне Шахов выяснил много, а я о нем – толком ничего?

Беру телефон и захожу в интернет. Информации о Шахове

мало. О его личной жизни – тем более. В основном он дает интервью о работе и планах на будущее. Ничего интересного или того, что было бы полезно знать.

Не понимаю, почему Григорий не отпустил меня домой? Зачем я должна осваиваться в его квартире? Мне здесь не нравится!

Набираю бабулю и спрашиваю, как у нее дела. Она отвечает, что все хорошо, досмотрела свой сериал и готовится идти спать. Уточняет, когда вернусь, и отчитывает, что столько работать вредно. Обещает обязательно сказать об этом Нине, чтобы та на меня повлияла.

Да, бабуль, прямо сейчас позвони и скажи ей об этом. Пусть Артёмовой будет стыдно за то, что в такой поздний час я нахожусь невесть где. Уж уверена, Нина догадается где, ведь имеет прямое к этому отношение.

Успокаиваю свою старушку, что у меня всё под контролем. Желаю спокойной ночи и завершаю разговор. О предстоящей «командировке» скажу утром. Пусть отдыхает и ни о чем плохом не думает.

К концу второго часа я уже откровенно не знаю, чем заняться. На кухне быть не могу, там все напоминает о сексе с Шаховым. В спальню тоже не отважусь больше зайти. Остается диван в гостиной.

Сначала пытаюсь разобраться с телевизором и включить его, а потом забиваю на это дело и сворачиваюсь в клубок, чувствуя, как слипаются глаза. Сумасшедшая неделя. Кото-

рая перевернула вверх тормашками мои планы и жизнь.

Просыпаюсь я от неясного чувства то ли тревоги, то ли возбуждения. Что-то на грани. Меня трогают. Гладят бедра, живот. Сердце колотится с такой силой, что едва не вырывается из груди. Между ног ощутимо и требовательно тянет. Распахиваю глаза. Это вовсе не сон, и на диване я не одна.

– Тш-ш, пугливая, – раздается голос Шахова. – Это всего лишь я.

Григорий сидит рядом, его руки на моем теле. В глазах напротив словно тлеет огонь.

Кажется, я и в гостиной больше не смогу находиться, не визуализируя то, что последует за смелыми и настойчивыми поглаживаниями.

– Только не сзади, – прошу, понимая, что сейчас опять будет секс, и обещание Шахова не трогать меня аннулируется.

– Неприятно?

Закусываю губу, не зная, сказать правду или промолчать. Я просто хочу увидеть лицо Шахова, когда он кончает. Для меня это важно.

– Агния?

Он начинает расстегивать блузку. Тянется к бюстгальтеру.

– Хочу видеть твое лицо в этот момент, – отвечаю все-таки правду.

– Зачем?

– Чтобы... не представлять мужа, – а вот теперь нагло вру.

Челюсти Шахова сжимаются. На скулах ходят желваки.

Взгляд полон сверкающих молний.

Вообще-то я не представляла Мишу. Не знаю, зачем это сказала. Защитная реакция? Но меня никто не обижает. Чтобы умышленно унизить? Тогда я сделала опрометчивый шаг – бросила Шахову вызов.

Иррационально возбуждаться от ласк малознакомого мужчины, но я возбуждаюсь.

У Миши не всегда получалось меня удовлетворять. Муж кончал раньше, а потом ласкал меня пальцами. Не хватало нескольких минут, чтобы придти к финишу одновременно с ним. Думала, такова особенность моего организма. До сегодняшнего дня. С Шаховым мы кончали практически вместе, два раза подряд, хотя половой акт и не длился супердолго.

– Бывшего мужа? – уточняет Григорий. – Которого нет в живых?

Он сжимает мои скулы рукой и не дает отвернуться.

Мы смотрим друг на друга. По телу бежит рой мурашек, когда свободной рукой Шахов освобождает мою грудь от бюстгалтера и задирает юбку.

Он может не говорить ничего, и так понятно, что секс будет лицом к лицу. Но я об этом точно пожалею.

Пытаюсь противиться, отвести глаза, но Шахов не позволяет это сделать.

– Взгляд на меня, – повелительно требует, подавляя своей энергетикой.

Сдвинув мое белье в сторону, Григорий нависает сверху. Ненадолго отпускает, чтобы справиться с ремнем на брюках, но потом возвращает руку обратно к лицу и делает движение в мою сторону. Бросает в приятный жар, когда Шахов врежется в меня на всю длину.

Удивительно, что его так задело сравнение с умершим мужем. Хочет, чтобы в моем мозгу отпечталось, кто меня трахает?

Сверкающий взгляд темных глаз завораживает. Вид суровый, между бровями глубокий залом, крылья носа раздуваются.

Беру свои слова обратно. Шахов, может, и не красавец, как Сомерхолдер, но очень мужественный и притягательный.

Пытаюсь удержаться и не кончать назло Григорию, который так бесцеремонно вторгается в мое личное пространство, но после очереди глубоких ритмичных толчков горячая волна захлестывает тело. Прерывисто дышу, понимая, что еще мгновение, и меня накроет наслаждением. Глаза сами закатываются от кайфа, но сильный нажим на щеки заставляет распахнуть веки и встретиться с темным взглядом Шахова.

Я приглушенно стону и опять дрожу под ним. Теку на его член, бешено сжимая его и содрогаясь от экстаза. Вся в мурашках. Вообще вся. Чувствую, что Шахов тоже вот-вот кончит, и мелькает мысль, что он давно мог бы это сделать,

но сначала довел до оргазма меня.

Григорий убирает руку от моего лица. Выходит из меня и, дернув за талию, подминает под себя и утыкается членом прямо в губы. Только и нужно открыть рот и впустить тугую, горячую головку. Всего секунда отделяет меня от этого. В воздухе витает запах нашего бурного и спонтанного секса, момент очень интимный, пульс долбит в ушах. Я обхватываю член Шахова губами, провожу по нему языком. Делаю буквально пару движений, и густое семя заполняет рот.

Если бы раньше я и впрямь представляла мужа, то теперь совершенно точно распрощалась бы со всеми иллюзиями. Впрочем, не сама ли желала видеть лицо Шахова, когда он кончает?

Красивое зрелище. Вкупе с его вкусом у меня во рту.

Григорий поднимается с огромного кожаного дивана. Наверное, в сравнении со спальней и кухней, гостиную я буду посещать еще реже. За один вечер мы опробовали практически все твердые поверхности в квартире. Не считая подоконников и комодов.

Шахов берет с журнального столика свой телефон и отдает распоряжение Дмитрию, чтобы тот поднялся.

Денег мне с собой вдогонку не дают по одной простой причине: получу их по договору, который недавно подписала.

Странные ощущения. Вроде и оргазмы я получила феерические, а на душе тяжело. Ловлю себя на мысли, что хочу вцепиться Шахову ногтями в лицо и исполосовать его.

Григорий, похоже, улавливает мою взвинченность. Или видит по мне. Задерживает взгляд, когда я привожу себя в порядок. Почему-то кажется, Шахова забавляет, что я сейчас злюсь.

– Агния, – окликает Григорий, когда, взяв эмоции под контроль, я направляюсь к входной двери, даже не взглянув на него. – Тебе понравилось у меня дома?

В голосе Шахова нет насмешки. Лицо такое же непроницаемое, как и в тот момент, когда я переступала порог его квартиры несколько часов назад. Что-то подсказывает, что мы сейчас вовсе не о жилплощади говорим, а об «экскурсии», которую мне провели сначала на кухне, а потом в спальне. И завершили в гостиной на кожаном диване. Интересно, где мне больше понравилось трахаться? Или в какой из комнат мое наслаждение было острее?

– Ты очень гостеприимный хозяин. – Выделив последнее слово интонацией, как раз для подошедшего Дмитрия, натягиваю холодную улыбку.

– Какая-то из комнат запомнилась больше остальных? – продолжает настаивать Шахов, не обращая внимания на водителя, который стоит в дверях.

Все-таки не показалось. Именно о сексе Григорий и ведет речь. Нахал. Хоть бы человека своего постыдился.

Хочу сказать, что больше всего впечатлила ванная, так как это единственное место, где меня сегодня не трогали. И кабинет. Потому что Шахов провел там почти полто-

ра часа. Но осознаю, что если озвучу это вслух, то запросто могу задержаться еще на пару часов, а ванная с кабинетом станут следующими местами, где меня поймают. И вообще, я понятливая. Прекрасно усвоила урок: нужно чаще держать язык за зубами и думать, что говоришь. Так я и собираюсь сделать.

Переступаю порог квартиры, оставив Шахова без ответа. Сама не знаю, в какой из комнат мне понравилось заниматься с ним сексом. Наверное, во всех было одинаково ярко.

Глава 9

Усталость дает о себе знать сразу же, стоит мне переступить порог своей спальни. Принимаю душ и ложусь в кровать. Завтра нужно подняться пораньше и позвонить психологу. Ненормально то, что я сейчас испытываю. А впереди еще одна встреча с Шаховым и поездка не пойми куда. Где, уверена, у нас опять будет секс.

Но утром позвонить я никому не успеваю. Потому что впервые за долгое время сплю как убитая, без сновидений и кошмаров, и просыпаюсь не от звука будильника, а от входящего звонка.

– Агния Львовна, доброе утро, – раздается незнакомый голос. – Примерно через час буду у вашего подъезда. С Григорием Игоревичем.

Смотрю на дисплей. Номер неизвестный, но голос вроде бы Дмитрия. Интересно, куда делся Захар? Хотя, впрочем, какая разница. Мне нет до этого дела.

– Хорошо, – обреченно выдыхаю в трубку и сажусь на постели.

Между ног до сих пор приятно потягивает, а на теле будто ощущаются чужие уверенные прикосновения. И не только внизу, на лице тоже. Притрагиваюсь к скулам и провожу по ним ладонью, вспоминая, как вчера Шахов трахал меня на диване в гостиной и смотрел при этом в глаза, слово вы-

жигал клеймо. По коже бегут мурашки. Я все еще в эмоциональном раздразе.

С одной стороны, это приятно и хорошо – испытывать влечение к мужчине и получать удовольствие от секса с ним, с другой – все крайне неправильно. Я же фактически продалась Шахову в рабство. Сознание не принимает такой формат отношений! Они противоречат моим принципам.

Встаю с кровати и подхожу к зеркалу. Внешне никаких изменений, но чувствую себя странно. Будто я и в то же время не я стою перед зеркалом.

Ведь могла попросить, чтобы Шахов отпустил меня, могла закричать, но вместо этого позволила себя трогать и стонала под ним от наслаждения. И что самое пугающее: я хочу снова испытать с Григорием оргазм. И желательно не один. Потому что в момент близости не то что о Мише не думала – я вообще ни о ком не думала. И в этом есть особый кайф. Своего рода терапия, глоток свежего воздуха. Лучше бы, конечно, меня так вышивки бисером или спорт затянули, а не эти эмоциональные и порочные качели.

Осматриваю свой гардероб. Я без понятия, какие вещи брать. Какого характера поездка? Надолго? Решаю взять несколько комплектов белья и одно платье на выход, брючный костюм, на случай если это все-таки рабочая командировка. Сама надеваю джинсы и футболку, собираю волосы в высокий хвост. Макияж не наношу, просто умываюсь и беру с собой любимый крем. Этого вполне должно хватить.

Бабушка уже всюду суетится на кухне и ждет меня на завтрак. Заметив сумку в моих руках, растерянно застывает на месте и едва не роняет полотенце на пол. Я подхватываю его и вешаю на спинку стула.

– Ася... А ты куда?

– По работе надо, бабуль, – отзываюсь как можно беспечнее, не показывая, как на самом деле волнуясь. – Вчера вечером все решилось, я не захотела тебя в ночь тревожить. Скоро уже выходить, за мной приедет машина, чтобы отвезти в аэропорт. Через несколько дней вернусь.

Эта «командировка» для меня тоже стала полной неожиданностью, но пожилому человеку нельзя о таком говорить, как и показывать свои истинные эмоции. Сама впряглась в эту авантюру, самой теперь и расхлебывать последствия.

– Нину попрошу, она заглянет к тебе вечером. – Обнимаю бабушку за плечи и чмокаю в щеку.

– Господи, как все внезапно... Постой, в аэропорт, ты сказала? Так ты на самолете полетишь?..

Внутри все переворачивается, когда об этом думаю. В принципе... неплохое завершение отношений с Шаховым. Спонтанно и ярко начали, так же и закончим. Потому что, насколько я поняла, этот робот-трудоголик не любит истеричек. Но именно в нее я превращусь, оказавшись в салоне самолета. А может, прямо в здании аэропорта. Как пойдет.

Начинает трясти. От бабушкиного внимания тоже не ускользает моя реакция.

– Ася...

– Всё под контролем, – обрываю я бабулю и снова обнимаю. – Психолог считает, что нужно выходить из зоны комфорта, – говорю первые пришедшие на ум слова, чтобы подбодрить свою старушку, хотя мне самой сейчас необходима поддержка.

– Ты хотя бы позавтракать успеешь? Я блинчики твои любимые приготовила.

– Успею. И даже попью с тобой чаю.

Сажусь за стол и перевожу тему со своей командировки в более спокойное русло. Спрашиваю бабулю про ее сериал. Она сначала пытается опять свести беседу к поездке, но потом словно понимает, что это нервирует, и отвлекает меня пересказом последней серии.

Из дома я выхожу после звонка Дмитрия, что они на месте. Пока спускаюсь в лифте, набираю подругу. Нина отвечает сразу. Решаю придержать «благодарности» за то, что свела меня с Шаховым, до своего возвращения, а пока прошу приглядеть за бабушкой.

– В смысле приглядеть? – переспрашивает Нина. – А ты куда? Что произошло?

– Ничего, кроме того, что вчера я занималась сексом с Шаховым и он в конце вечера, после того как потрахался со мной почти во всех комнатах своей квартиры, заявил, что нашел себе постоянную любовницу. Сегодня мы куда-то летим. Куда не знаю, но очень надеюсь, что по рабочим во-

просам, а не за тем, чтобы закреплять вчерашний результат наших «переговоров».

– Офигеть... Секс во всех комнатах его квартиры?.. Звучит очень впечатляюще...

– Нина! – взвиваюсь я. – Ты меня вообще слышишь? В планы не входило спать с этим человеком! Я на такое не подписывалась!

– И как? Тебе понравилось? – игнорирует Нина возмущение в моем голосе.

Шумно вздыхаю, не желая признаваться подруге, что да, понравилось. Пусть испытывает вину за то, что втянула меня в эту мутную историю.

– Нет. Нисколько! Он взял меня силой!

Повисает долгая пауза.

– Извини меня, Ась. Я правда не думала... Я...

– Всё! – перебиваю Нину. – За бабушкой пригляди. Мне больше некогда разговаривать. Вернусь, и все обсудим.

Хотя ничего обсуждать я не стану. Тем более свои отношения с этим мужчиной. Ни с бабушкой, ни с Ниной. Ни даже с психологом.

Даю себе пару минут, чтобы совладать с эмоциями перед встречей с Григорием, и иду на парковку. Прихожу в изумление, увидев два автомобиля Шахова. Ничего не понимаю. Мы поедем в аэропорт на разных машинах? Или это охрана?

Я бегло осматриваюсь по сторонам. Машин больше нет. Опасности вроде тоже никакой не обнаруживаю.

Из черного седана выходит Дмитрий. Забирает мою сумку и открывает заднюю дверь. Я сажусь в салон. Внутри пахнет парфюмом Шахова. Умопомрачительный аромат. Который напоминает о вчерашнем сексе.

Григорий задерживает на мне взгляд. Рассматривает, слегка прищурившись, чем сильно смущает. Блин, все-таки нужно было хотя бы пудры немного нанести. Жаль, что я этого не сделала.

Ладони становятся влажными, и почему-то вспоминается, как Шахов сжимал мои скулы во время нашего секса в гостиной, заставляя смотреть ему в глаза. Такие образы и картинки навеивает взгляд Григория? Кажется, он опять собирается оставить на мне метку.

– Как самочувствие? – интересуется Шахов без сарказма. Кажется, я даже улавливаю нотки мягкости в его голосе.

– Всё нормально.

– Без косметики ты похожа на подростка, – констатирует Григорий.

– Это намек, чтобы я красилась и выглядела старше? Или наоборот?

Неужели он и впрямь извращенец?

Уголок губ Шахова дергается вверх.

– Если бы вчера ты заявила ко мне домой в таком виде, я бы выставил тебя за дверь и отправил к родителям, сказав, что не занимаюсь соvrращением несовершеннолетних.

Боже... Да он пытается шутить, мне не показалось? Пора-

жает, что Григорий вообще на это способен. Неожиданно.

– В таком случае ты можешь отпустить меня сегодня. Забудем, что было вчера.

– Нет, – отрезает он, чему я несколько не удивлена.

Дмитрий возвращается в салон, и машина трогается с места. Вторая остается рядом с домом.

– Почему сегодня две машины?

– Захар со вчерашнего дня здесь. Ты, наверное, не обратила внимание, когда Дмитрий тебя привез.

– Зачем? – недоумеваю.

Шахов внимательно смотрит на меня.

– Ты попросила о помощи. Продала половину акций и стала не только моим партнером, но и любовницей, – перечисляет он. – Теперь я в некоторой степени несу ответственность перед своим партнером за его безопасность и психологическое состояние. Монастырский не оставит твой смелый шаг без ответа.

Поджимаю губы, не зная, как реагировать. Вроде бы и поблагодарить нужно, но не хочу. Однако перебарываю себя. Ко мне на самом деле относятся хорошо, не обижают. Секс был неожиданным, но по обоюдному согласию. Ну почти. Не считая того, что все произошло так, будто мне не оставили выбора.

– Спасибо, – тихо благодарю.

Шахов отворачивается к окну и трет лицо рукой. Сегодня и он выглядит как-то иначе. Не таким закрытым. Будто за-

был надеть маску суровой невозмутимости.

– Это рабочая поездка? Как надолго?

– И то и другое. Проведу пару рабочих встреч, а потом дня два или три погуляем по городу.

Он поворачивается:

– Или вовсе не будем выходить из номера. Время покажет.

– Для человека, который говорил, что уже не мальчик, спорное заявление, – набравшись смелости, произношу я.

– Если я дам себе команду «Отдых», то ты его точно не получишь, – медленно, растягивая слова, говорит Григорий, не сводя с меня пристального взгляда.

Щеки опять заливает краской. Нет, я все-таки позвоню своему психологу. Спрошу, не получится ли так, что сейчас отпущу себя, погружусь в эти эмоции, забив на моральный аспект, а потом накроет еще большей апатией и депрессией? Я ведь тогда точно из нее не выберусь.

– Ты, наверное, в курсе, как погиб мой муж? Должна предупредить, что после его смерти и пережитого в связи с этим ужаса я боюсь летать. Иногда бывают панические атаки. Я пытаюсь быть сильной и делать вид, будто все хорошо, но мы оба взрослые люди и прекрасно понимаем, что происходит. Я не одобряю такой формат отношений. В общем, у меня может случиться истерика. Есть возможность добраться до твоего места наземным транспортом? – говорю все как есть.

– Нет. Придется лететь. На машине до Арабских Эмира-

тов мы не доберемся. Была там когда-нибудь? – уточняет Григорий.

Отрицательно качая головой.

– Вот и замечательно. Меньше ассоциативных цепочек – равно комфортное времяпровождение в обществе друг друга.

Понимаю, что Шахов имеет в виду мои вчерашние слова, что представляю мужа, занимаясь сексом с другим.

Повисает пауза. Но ненадолго. Шахов распоряжается остановить машину у аптеки и называет Дмитрию лекарство, которое необходимо купить. Оно мне незнакомо.

Водитель возвращается с пакетом через несколько минут. Григорий открывает его, достает ампулу и шприц. Сосредотачивает на мне взгляд.

– Обработай салфеткой руку, – требует.

– Что это? – Я смотрю на шприц в его руках.

– Бензодиазепиновый транквилизатор. Дозировка небольшая, вреда не нанесет. Когда вернемся, покажешься хорошему психологу. Он поможет решить проблему. Мне однажды неплохо помог.

– Тоже были проблемы с перелетами?

– Почти.

– А разве такие лекарства отпускают без рецепта?

– Отпускают.

Я беру салфетку и растираю кожу. Закрываю глаза, чувствуя, как Шахов делает инъекцию. Пульс долбит в ушах.

Знаю этого человека от силы неделю, но позволяю грубый секс и введение себе неизвестных препаратов. Похоже, я и впрямь сошла с ума и мне требуется помощь вовсе не психолога, а психиатра.

Глава 10

Дорога до аэропорта занимает чуть меньше часа. Оказавшись в здании, ловлю себя на мысли, что истерить и плакать желания нет. Я бы даже сказала, присутствует легкая эйфория.

– Странные ощущения, – делюсь с Шаховым своими наблюдениями. – Почему мне врач ничего такого не назначал? Это можно принимать на постоянной основе? Куда действеннее всяких бесполезных практик. В последний наш разговор психолог заставила начертить какой-то квадрат и записать туда все, что было бы, если бы мой муж не разбился в самолете. Потом мы проговорили написанное вслух и сожгли листки. Сумку с вещами Михаила, которую я привезла с собой, тоже... Если это слишком для твоих ушей, можешь так и сказать. Я замолчу. Мне несвойственно обсуждать подобное с малознакомыми людьми. Наверное, это все твои чудодейственные препараты. Скажешь еще раз название? Я не запомнила его, когда ты просил Дмитрия сходить в аптеку.

Григорий усмехается.

– Вероятно, тебе попался неплохой специалист. Бензодиазепины помогают избавиться от тревожности, но никак не воздействуют на причину ее появления. После отмены негатив вернется в еще большем объеме. Это своего рода

зависимость, Агния. Не рекомендую подсаживаться. Сложно потом соскочить. Пока сама не отпустишь прошлое, хоть весь дом сожги и выпей тонну таблеток, толку не будет.

– Есть опыт с бензодиазепинами? – С трудом удается выговорить это слово без запинки.

– Было дело.

– И с поджогом вещей?

– С подобным не сталкивался.

Так и подмывает спросить, что же такого случилось в жизни Григория, почему ему пришлось принимать эти препараты. Хотя, возможно, ничего ужасного и это просто отголоски бешеного рабочего ритма. Морально истощаешься, постоянно решая сложные задачи. На себе испытала. У кого-то психика справляется, у кого-то нет. Всегда думала, что я слабая и мне не под силу руководить большим бизнесом. Оказалось, это не так. Правда, первые же трудности привели в постель к богатому покровителю. Так что все-таки спорно пока с моей деловой жилкой.

– У тебя высокая стрессоустойчивость? – тем не менее интересуюсь я. – Или ты принимаешь какие-то сильнодействующие вещества, чтобы всегда быть таким? Мне важно знать. Не хочу иметь дело с наркоманом или зависимым человеком.

– Таким? – Ухмылка на лице Григория становится выразительнее. – Это каким?

– Вечно угрюмым и сдержанным. Что действительности мало соответствует, в постели ты другой, – намекаю я на наш

вчерашний секс. – Никаких ограничений и рамок. Абсолютная вседозволенность.

Григорий смотрит на меня с интересом. Мы стоим в очереди, ждем регистрацию на борт. Странно, что на чартер, пусть и в бизнес-класс. Мне казалось, люди уровня Шахова сторонятся общества других. Или все финансы он вложил в мой бизнес? Что, конечно же, маловероятно.

– Обычно лекарство, которое я ввел тебе в машине, действует подавляюще. У тебя почему-то обратная реакция. Весь полет теперь будешь болтать? Если бы знал о подобном побочном эффекте, сделал бы выбор в пользу снотворного. Я планировал поработать дорогой, Агния, – серьезно произносит Григорий.

– Ты не ответил на вопрос, – игнорирую я его слова. – Ты принимаешь наркотики или что-то еще?

– Нет, – отрезает Шахов. – Ничего, кроме алкоголя и сигарет.

– А стрессоустойчивость?

– Очень высокая.

– Тогда почему ты был на этих препаратах?

– На бензодиазепинах? В какой-то момент в жизни все пошло под откос. Партнеры подставили, брак разрушился. Я остался в долгах и с риском присесть на большой срок. Мучили сильные головные боли, много нервничал, работал на износ. Стало сложно вывозить. Лекарства помогли, но я пил большими дозами, и не только бензодиазепины,

что не очень хорошо. Однажды потерял сознание и впал в кому. Почти два месяца провалялся в больнице. Об этом периоде моей жизни ты ничего в интернете не найдешь. Ну или очень скудные факты. Это было до того, как я начал приумножать свой капитал и стал тем, кем сейчас являюсь. Агния, надеюсь, понятно, что информация, которую ты узнаешь от меня, не рассчитана на широкий круг людей и в обществе я жду от тебя достойного поведения?

– Больше молчать и вести себя так же сдержанно, как и ты?

– Да. И никогда не делиться личным с публикой. Для меня это табу. На публике ты – сама скромность и целомудрие.

– А с тобой?

– Целомудрие можешь убрать. В остальном все то же самое. Мы не настолько близки, чтобы я переживал за твоё душевное состояние. Но какие-то моменты, конечно, не могу оставить без своего внимания и вмешательства.

– Это ты про сравнение тебя с другим человеком?

Григорий ничего не отвечает. Подходит наша очередь. Разговор продолжается лишь после того, как мы оказываемся на борту самолета. Шахов кивает, чтобы я пристегнулась.

– Это я про твои панические атаки. Твой муж и ваша с ним жизнь меня не интересуют. Для этого у тебя есть психолог и подруги. Впредь старайся выбирать выражения и контролировать свое поведение. Лишние эмоции нам ни к чему, портить хорошее впечатление о себе тоже не стоит. Я быст-

ро разочаровываюсь в людях. Ты ненадолго в моей жизни, но пусть эта связь станет для тебя ярким и приятным воспоминанием.

– Звучит цинично, – со вздохом замечаю я, ловя себя на мысли, что, в принципе, ожидала услышать нечто подобное. – И еще... когда говорила, что не предохраняюсь, я солгала. На прошлой неделе, по рекомендации гинеколога, я возобновила прием таблеток.

Григорий смотрит на меня. Долго, пронизательно.

– Я в курсе, что ты принимаешь контрацептивы. Имей в виду, Агния, дети в мои планы не входят. Ни случайные, ни запланированные. Отправишься на аборт.

Чувствую неприятный мандраж, когда понимаю, что Шахов говорит это всерьез. А потом осеняет догадкой: он не использовал презерватив и был в курсе, что я на таблетках, навел справки везде, вплоть до медицинской карты у врачей. Поэтому и секс был без защиты. Только это несправедливо! Я о Григории знаю очень мало и поверхностно, а он обо мне – вон сколько. Если не все.

– Ты про каждую из своих любовниц узнавал все от и до, прежде чем вступить с ними в интимную связь?

Мой вопрос остается без ответа, но и так очевидно, что Шахов не из тех людей, кто беспечно относится к этой части своей жизни.

Григорий достает ноутбук и сосредоточивается на работе. Отворачиваюсь, устремляя взгляд на свои колени. Шахов

сел у иллюминатора, чтобы я не отвлекалась на вид из окна и меньше стрессовала? Это и впрямь хорошее решение. Даже после инъекции лекарства все равно не по себе.

Через час после взлета начинает клонить в сон. Мысли в голове вялые, концентрация на нуле. Я проваливаюсь в беспокойную дремоту. Просыпаюсь от того, что Шахов теребит за плечо: мы приземляемся.

– Как самочувствие? – интересуется он, взяв двумя пальцами мой подбородок и заставив на себя посмотреть.

– Не очень. То ли отпускает, то ли так действует... Мутит, и кружится голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.